

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 93–109, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/904

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-93-109

Результаты раскопок грунтового могильника *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2019 г.

Аркадий Иванович Королев¹, Антон Александрович Шалапинин²

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, декан

 0000-0001-8452-4386. E-mail: [arkorolev\[at\]gmail.com](mailto:arkorolev[at]gmail.com)

² Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-9434-7811. E-mail: [anton-shalapinin\[at\]ro.ru](mailto:anton-shalapinin[at]ro.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Королев А. И., Шалапинин А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Данная работа посвящена публикации результатов раскопок грунтового могильника *Максимовка I*. *Целью* данной работы является публикация материалов раскопок 2019 г. В *задачи* исследования входят описание и характеристика изученных археологических комплексов, установление их культурно-хронологической атрибуции. *Материалы.* Археологический материал из культурного слоя состоит из керамики неолита, энеолита, эпохи бронзы, а также XIX–XX вв., кремневых орудий и отходов камнеобработки. На памятнике исследовано шесть захоронений. Два погребения разрушены и представляют собой скопления сильно фрагментированных костей. Инвентарь в данных захоронениях не обнаружен. Костяк третьего погребения располагался вытянуто на спине, с ориентировкой головы на север-северо-запад. В могильной яме обнаружены железный нож и кости мелкого рогатого скота. Следующее захоронение состоит из четырех черепов и расположенных около них компактными скоплениями костей скелетов. Погребальный инвентарь состоял из кремневых наконечников стрел, скребка, костяного острия, подвески, бус, пронизок и резцов сурка. Пятое захоронение содержало костяк, расположенный в сидячем положении и ориентированный головой на северо-восток. В погребении обнаружены кремневая пластина, наконечник стрелы и бисер. Костяк последнего захоронения располагался вытянуто на спине и ориентирован черепом на север-северо-запад. В погребении находится глиняный сосуд. Также изучена часть сооружения № 1. *Результаты.* Три захоронения относятся к позднему энеолиту, одно — к позднему бронзовому веку и одно — к средневековью. Культурно-хронологическая атрибуция еще одного погребения не определена. *Выводы.* В результате раскопок грунтового могильника *Максимовка I* были получены разнокультурные и разновременные материалы, включающие комплексы неолита, энеолита, эпохи бронзы, средневековья.

Ключевые слова: неолит, энеолит, эпоха бронзы, средневековые, погребальный обряд, грунтовый могильник, лесостепное Поволжье

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья» (№ 23-78-10088, <https://rscf.ru/project/23-78-10088>).

Для цитирования: Королев А. И., Шалапинин А. А. Результаты раскопок грунтового могильника *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2019 г. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 93–109. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-93-109

Maksimovka I Grave Field (Forest-Steppe Volga Region): Results of the 2019 Excavations

Arkadii I. Korolev¹, Anton A. Shalapinin²

¹ Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dean of Faculty

 0000-0001-8452-4386. E-mail: [arkorolev\[at\]gmail.com](mailto:arkorolev[at]gmail.com)

² Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0001-9434-7811. E-mail: [anton-shalapinin\[at\]ro.ru](mailto:anton-shalapinin[at]ro.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Korolev A. I., Shalapinin A. A., 2024

Abstract. Introduction. The work publishes some results of excavations at the *Maksimovka I* grave field. **Goals.** So, the article seeks to introduce materials of the 2019 excavations. To facilitate this, the paper shall describe and characterize the investigated archaeological complexes, establish their cultural and chronological attributions. **Materials.** Archaeological material from the occupation layer comprises Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, and eighteenth/twentieth century pottery, flint tools, and stone processing waste. Six burials were investigated at the site. Two burials had been destroyed and are nothing but heaps of heavily fragmented bones with no grave goods observed. In the third burial, the skeleton was lying on back in a northern-northwestern direction, accompanied by an iron knife and goat/sheep bones. The next burial consisted of four skulls and compact clusters of skeletal bones located nearby. The latter's grave goods included flint arrowheads, a scraper, a bone spearhead, a pendant, beads, piercings and marmot incisors. The fifth burial contained a seated skeleton facing northeast and accompanied by a flint plate, an arrowhead and beads. In the last burial, the skeleton was lying on back in a northern-northwestern direction, accompanied by an ornamented clay vessel. A part of structure 1 was also examined. **Results.** The work shows that a total of three burials date back to the Late Chalcolithic, one — to the Late Bronze Age, and one — to the Middle Ages. The cultural and chronological attribution of the remaining burial has not been determined yet. **Conclusions.** The excavations at the Maksimovka I grave field have yielded materials from different cultures and periods, including Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, and Medieval complexes.

Keywords: Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, Middle Ages, funeral rites, grave field, forest-steppe Volga region

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-78-10088 ‘Stone Age in the Middle Volga: Vectors and Dynamics of Cultural and Historical Processes’. Available at: <https://rscf.ru/project/23-78-10088>.

For citation: Korolev A. I., Shalapinin A. A. Maksimovka I Grave Field (Forest-Steppe Volga Region): Results of the 2019 Excavations. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 93–109. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-93-109

1. Введение

Грунтовый могильник *Максимовка I* является одним из ключевых памятников для изучения позднего энеолита Волго-Камья. Здесь выявлен уникальный для эпохи раннего металла лесостепной зоны Среднего Поволжья погребальный обряд — труположение сидя и полусидя. При этом на памятнике присутствуют грунтовые захоронения эпохи бронзы и средневековья, дающие дополнительную информацию для изучения материальной культуры кочевников указанных периодов. Таким образом, публикация результатов исследований данного памятника является весьма актуальной задачей для изучения древней истории региона.

К настоящему времени в научный оборот введены результаты работ на памятнике 2017 г. [Цибин, Шалапинин 2019: 6–16], 2018 г. [Королев, Мышкин, Шалапинин 2021: 515–530] и 2020 г. [Королев, Шалапинин 2023а: 137–157]. Материалы раскопок 2021 г. получили краткое освещение [Шалапинин и др. 2022: 14–16]. Целью данной работы является публикация и определение культурно-хронологической атрибуции материалов раскопок 2019 г.

2. Материалы

Грунтовый могильник *Максимовка I* находится в Богатовском районе Самарской области. Он расположен на северо-западной окраине с. Максимовка на первой надпойменной террасе рек Съезжая и Самара (карта 1: 1). Памятник открыт в 2017 г. В. А. Цибиним. Им же были проведены небольшие раскопки на памятнике, позволившие определить эпохальную принадлежность могильника [Цибин, Шалапинин 2019: 6–16].

С 2018 г. по настоящее время на памятнике ведутся раскопки. В 2019 г. работы проходили на двух раскопах. Первый из них площадью 20 м² был заложен к востоку от раскопа 2018 г., второй площадью 97,5 м² — к западу от шурфа № 1 2017 г. (карта 1: 2). Всего на памятнике в данный полевой сезон исследовано 117,5 м².

Территория памятника подверглась активному антропогенному воздействию во второй половине XX в., в связи с чем верх-

няя часть культурных напластований находилась в переотложенном состоянии. Мощность культурного слоя в непо потревоженном виде на отдельных участках достигает 100 см. Он состоит из слоев темно-серого, серого и серо-коричневого песка. Культурный слой слабо насыщен археологическим материалом.

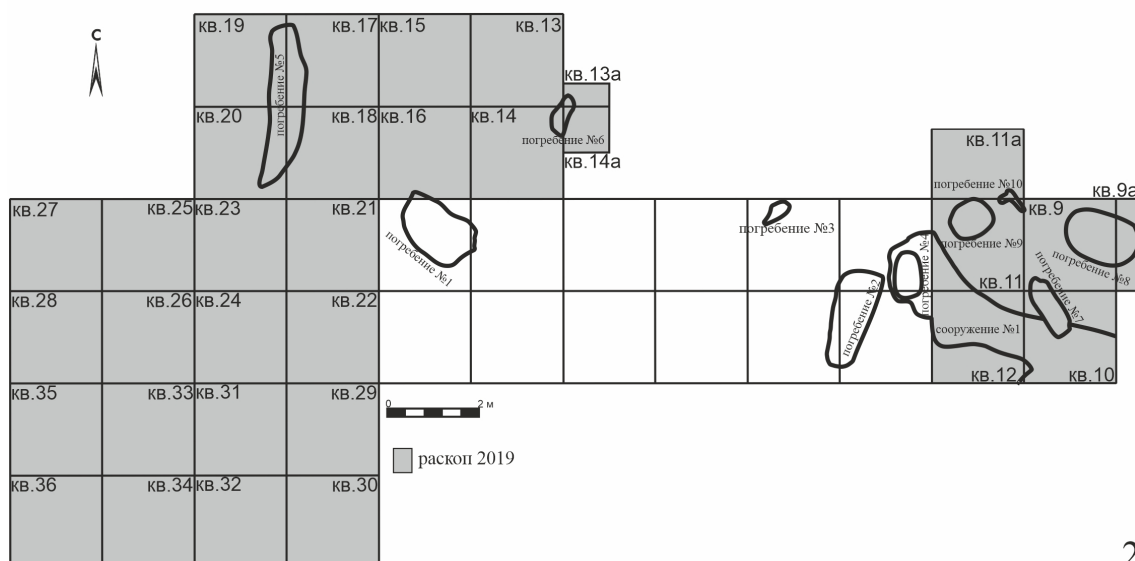
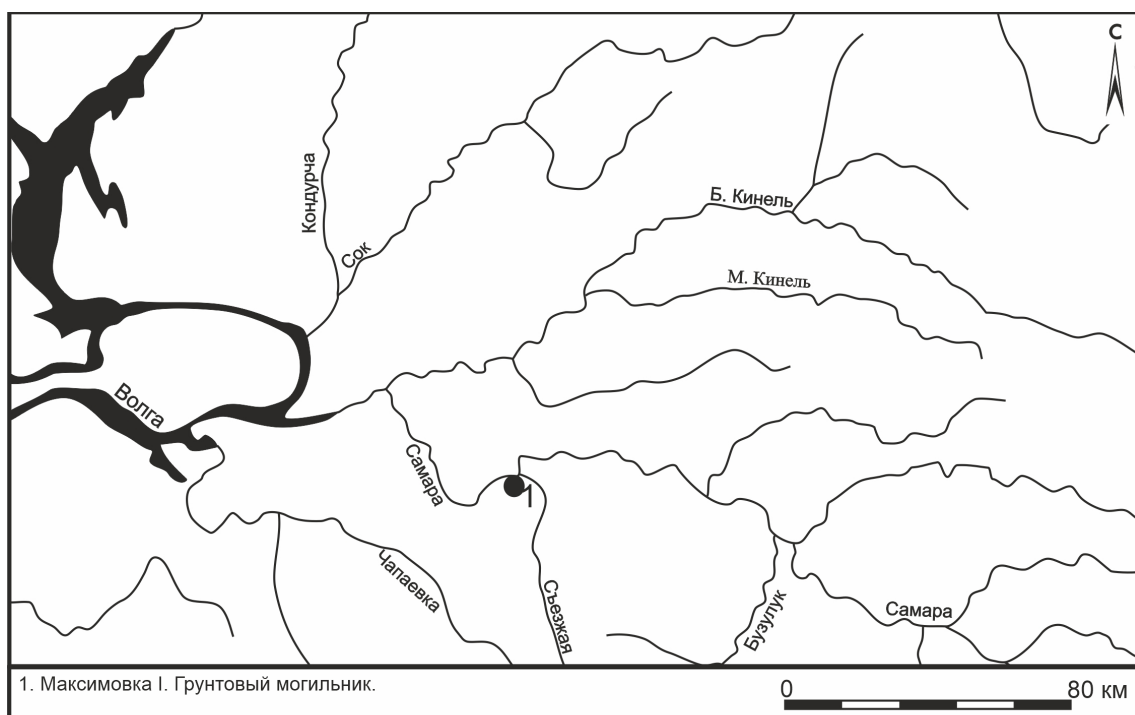
На памятнике в рассматриваемый полевой сезон в слое собрано 90 фрагментов керамической посуды, 48 кремневых отщепов, 2 кварцитовых отщепа, 3 кремневых скола, 1 кварцитовый скол, 1 кремневая чешуйка. Керамический материал, для которого возможно определить эпохальную принадлежность, относится к неолиту (2 экз.) (рис. 1: 12, 13), энеолиту (9 экз.) (рис. 1: 14–17), эпохе бронзы (8 экз.) и XIX–XX вв. (16 экз.). Каменный инвентарь включает кремневый скребок (рис. 1: 2), кремневый наконечник стрелы (рис. 1: 4), сверло на пластинчатом отщепе (рис. 1: 5), скребок на пластине (рис. 1: 8), 8 кремневых пластин (рис. 1: 3, 6, 9–11). Также следует отметить бусину из красного камня (рис. 1: 7), обнаруженную к югу от погребения № 8. Диаметр бусины — 0,6 см, толщина — 0,3 см.

На памятнике было изучено 6 погребений (№№ 5–10 в общей нумерации для всех годов раскопок).

Погребение 5 (рис. 2: 1) располагалось близко к поверхности в северной части западного раскопа (кв. 17–20) и было сильно разрушено распашкой. Захоронение принадлежало мужчине возрастом 40–55 лет¹. Кости сильно фрагментированы и рассеяны на расстоянии почти 4 м на склоне. Они состоят из фрагментов верхней и нижней челюсти, черепной коробки, позвонков, трубчатых костей. Первоначальное положение сохранили только кости стоп, которые обращены фалангами на юг. Инвентарь отсутствовал или не сохранился.

Погребение 6 (рис. 2: 2) располагалось в северо-восточной части западного раскопа (кв. 13–14) и было также разрушено распашкой, а затем при строительстве грунтовой дороги. Захоронение представлено раз-

¹ Все определения пола и возраста погребенных выполнены д-ром ист. наук А. А. Хохловым.

Карта 1. Местоположение грунтового могильника Максимовка I (1), план раскопа (2)
[Map 1. Location of the Maksimovka I grave field (1), excavation plan (2)]

рознёнными фрагментированными костями скелета мужчины зрелого возраста (трубчатые кости, фаланги, черепной коробки, таза, ключицы). Погребальный инвентарь не выявлен.

Погребение 7 (рис. 2: 4), находилось в центральной части восточного сектора (кв. 9–10). Захоронение детское (5–6 лет). Могильная яма была ориентирована по ли-

нии Север-Северо-запад – Юг-Юго-восток. Размеры ямы: длина — 136 см, ширина — 48 см, зафиксированная глубина — 12 см. Она имела крутые края по длинным стенкам и пологие — по коротким. Менее всего край ямы был выражен в районе головы погребённого. В нижней части ямы было зафиксировано пятно древесного тлена коричневатого-чёрного цвета прямоугольной

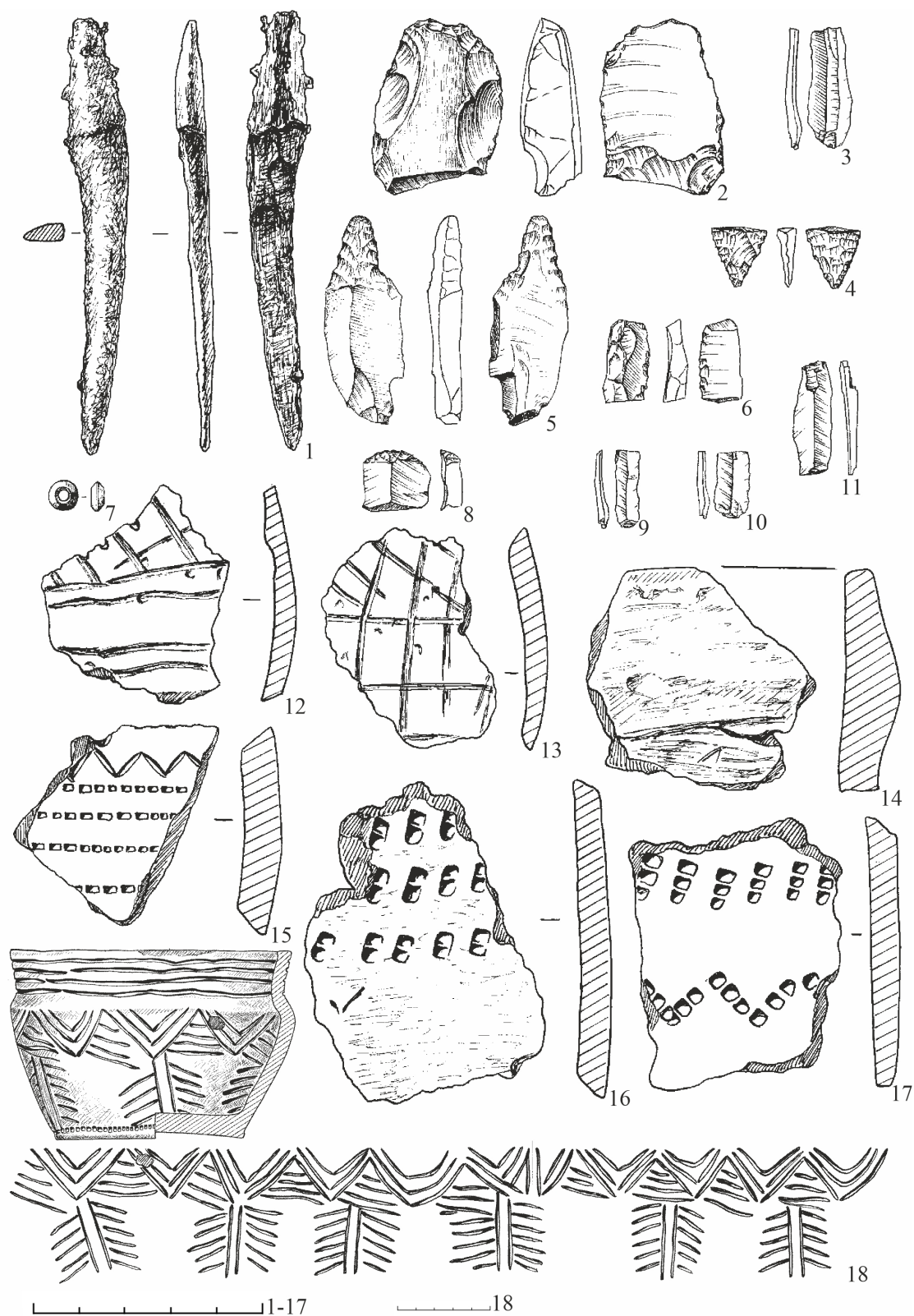

Рис. 1. Археологический материал из погребений №№ 7 (1), 10 (18) и культурного слоя (2–17)
 [Fig. 1. Archaeological material from burials 7 (1), 10 (18) and occupation layer (2–17)]

формы, толщиной до 1,5 см. Под ним располагался костяк, который был ориентирован головой Север-Северо-запад и лежал вытянуто на спине. Правое плечо находилось немного выше левого. Кости рук располагались вдоль туловища, кистями около таза. Кости ног вытянуты параллельно друг другу. Стопы развернуты к северо-востоку. Положение всех костей анатомическое, кроме одного позвонка. Под костяком и по бокам от него также располагался древесный тлен размерами 136 x 25 см. На ребрах в правой части грудной клетки острием к ногам располагался железный нож. Под правым плечом погребенного находилась лопатка, а к востоку от левой голени — кости ноги овцы (козы?) в анатомическом порядке.

Железный нож залегал на уровне –19 см от условного «0» (рис. 1: 1). Длина изделия — 9,5 см, максимальная ширина — 1,6 см, толщина — 0,6 см. Лезвие изогнуто и имеет длину 7 см. Сечение лезвия подтреугольной формы. Длина черешка — 2,5 см. На нем сохранились фрагменты деревянной рукояти.

Погребение 8 (рис. 3) было выявлено в северо-восточной части восточного сектора (кв. 9) и включало в себя четыре черепа и расположенные около них компактными скоплениями кости скелетов взрослых людей. Череп первого индивида принадлежал мужчине 35–40 лет, находился основанием вниз, глазницами на Юг-Юго-запад и имел сквозное отверстие округлой формы размерами 4,4–4,6 см. Вплотную к лицевой части находилась в перевернутом состоянии нижняя челюсть. Под ним располагалось пятно охры овальной формы размерами 21 x 23 см. К северу от черепа и частично под ним лежали кости рук. Несколько глубже черепа № 1 находились черепа и кости еще двух индивидов. Череп № 2 также был установлен основанием вниз лицевым отделом на северо-запад. Он принадлежал женщине 17–22 лет. Под ним располагалось компактное скопление костей скелета. К востоку от него лежал череп № 3, принадлежащий мужчине 35–45 лет. Он располагался лицевым отделом вверх и был повернут лицевой частью на запад. С юго-востока к черепу № 3 примыкало скопление костей конечностей и ребра. Отдельные кости находились от него к северо-востоку. Еще глубже и частично под костями индивида № 3 был обнаружен

череп и компактно сложенные кости скелета четвертого индивида. Они включали кости ног, ребер, лопатки, позвонки. Кости ног были согнуты в коленном суставе и сохранили анатомическое положение. Череп № 4 принадлежал женщине 25–35 лет, располагался на правой стороне лицевым отделом на юг. Под костями четвертого индивида фиксировалось пятно охры, размерами 40 x 43 см. В расположении костяков просматривается закономерность. Все они не содержали полного состава костей скелетов и были уложены аккуратными кучками так, что длинные кости конечностей лежали в основном параллельно одна другой. В размещении захороненных людей в яме можно отметить определенную последовательность. Первоначально был погребен индивид № 4, и яма была присыпана. Затем были уложены «пакетом» кости и установлены черепа костяков №№ 2 и 3. Уточнить, были они погребены вместе или по отдельности, не представляется возможным. Последними были помещены кости индивида № 1. Наиболее четко могильная яма погребения фиксировалась с уровня фиксации черепа № 4. Она имела подовальную форму и была ориентирована длинными сторонами по линии Запад-Северо-запад – Восток-Юго-восток. Длина ямы — 162 см, ширина — 107 см, глубина — 15 см. Борта ямы пологие, дно закругленное.

В погребении был выявлен инвентарь. Костяное острие (–40 см от условного «0») было обнаружено к западу от черепа № 4 на границе пятна охры (рис. 5: 45). Орудие изготовлено из фрагмента ребра, имеет в длину 13,6 см, ширину 1,6 см, толщину 0,3 см. Один конец приострен, второй слегка закруглен. Края предмета также закруглены. Внешняя сторона заполирована и украшена двумя группами нарезок длиной до 1,5 см, нанесенными со стороны острия под наклоном одни вправо, другие — влево. В центре орудия ряды нарезок смыкаются. Поверх дугой расположены короткие насечки длиной до 0,5 см. Они нанесены под прямым углом к кромке предмета.

Скребок на отщепе из серо-зеленого кремня с коркой с тремя рабочими краями (–22 см от условного «0») был обнаружен в пределах могильной ямы у ее восточного борта (рис. 5: 20).

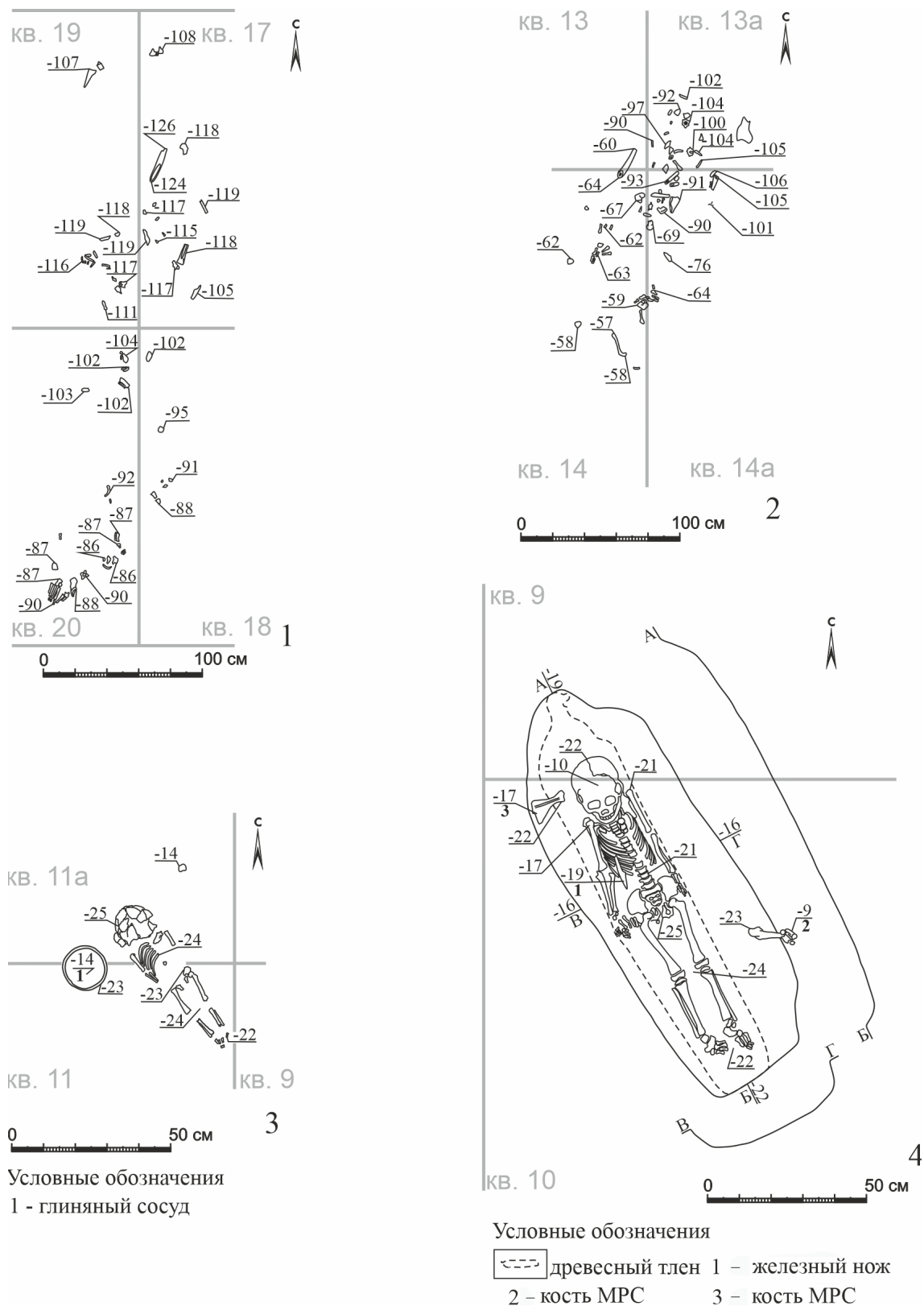

Рис. 2. Погребения №№ 5–7, 10
[Fig. 2. Burials 5–7, 10]

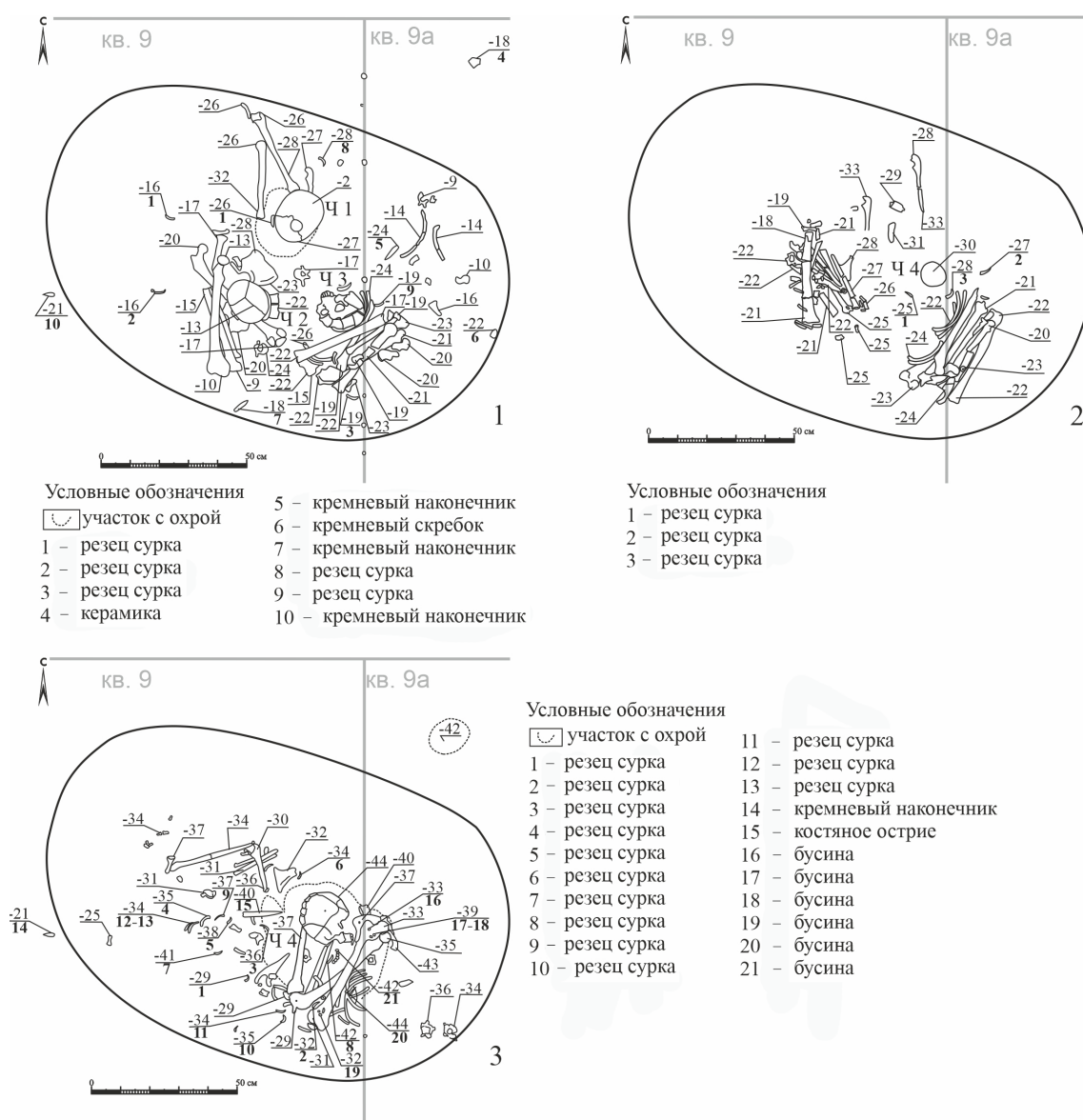

Рис. 3. Погребение № 8
[Fig. 3. Burial 8]

Наконечник стрелы, изготовленный из кремня серого цвета с белой коркой (–18 см от условного «0»), залегал в пределах могильной ямы у ее южного борта (рис. 5: 19). Орудие имеет двустороннюю обработку. Форма наконечника листовидная со слегка зауженным насадом. Основание насада прямое.

Наконечник стрелы из желтого кремня (–24 см от условного «0») располагался к северо-востоку от черепа № 3 (рис. 5: 18). Орудие имеет двустороннюю обработку. Форма наконечника листовидная, основание насада прямое.

При разборе костей у черепа № 4 был обнаружен фрагмент подвески из раковины (рис. 5: 17). Судя по сохранившейся части, она имела овальную форму с несколько смещенным от центра отверстием.

Резцы сурка насчитывают 65 единиц (рис. 3, 4, 5: 1–16). Большая часть резцов была обнаружена в заполнении могильной ямы, в основном в ее нижней части. Еще три резца найдены при разборке культурного слоя в непосредственной близости от погребения и один обнаружен в отвале. Однако в связи с тем, что из всех изученных захоронений только погребение № 8 содер-

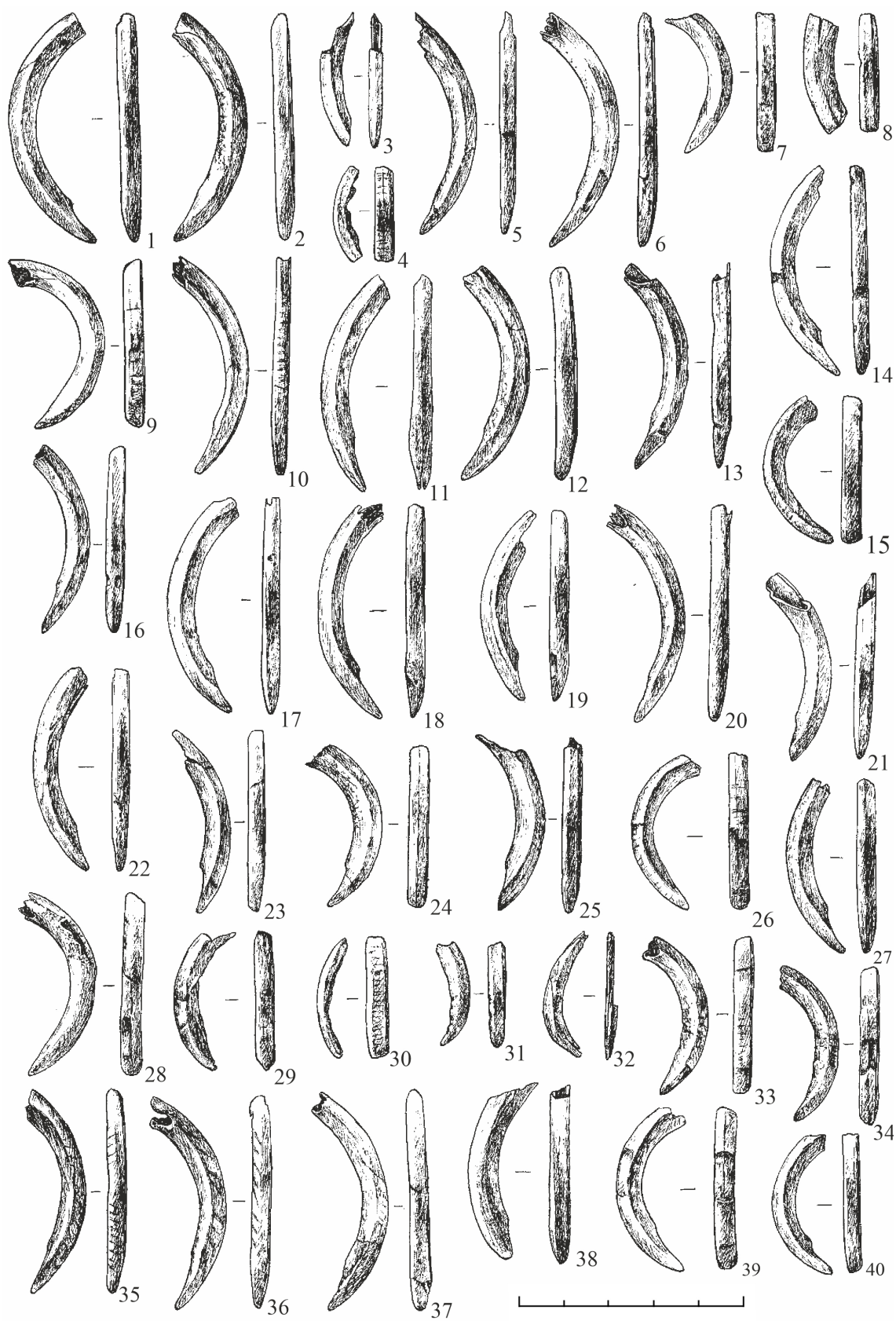

Рис. 4. Резцы сурка из погребения № 8
[Fig. 4. Marmot incisors from burial 8]

жало резцы сурка, их также следует рассматривать с данным комплексом. Резцы имеют различную сохранность, от целых до сильно разрушенных экземпляров. Длина целых резцов варьирует от 3 см до 5 см.

Бусины можно разделить по размерам на две группы: первая (11 экз.): бусины, имеющие диаметр 0,4 см, толщину 0,2–0,3 см и отверстие диаметром 0,2–0,3 см (рис. 5: 22–32); вторая (10 экз.): бусины, имеющие диаметр 0,25–0,3 см, толщину 0,1–0,2 см и отверстие 0,1 см (рис. 5: 33–42).

Две пронизки в форме трубочек длиной 0,4 и 0,5 см, диаметром 0,3 см (рис. 5: 43–44).

Рядом с могильной ямой к западу от нее в кв. 9 располагался наконечник стрелы (–21 см от условного «0») (рис. 5: 21). Он изготовлен из серого кремня с белой коркой. Оружие имеет двустороннюю обработку.

Погребение 9 (рис. 6: 1–2) располагалось в северо-западной части восточного раскопа в кв. 11. Неровное пятно могильной ямы было зафиксировано в предматериковом грунте и отличалось в основном от него отдельными пятнами черного углистого цвета. По мере выборки заполнения углистые включения были счищены, и встречались отдельные угольки. Контуры могильной ямы были не четкими, подовальных очертаний, и уточнялись при расчистке костяка. Ее размеры — 90 x 79 см, глубина — 42 см. Северный борт ямы крутой, южный — пологий, с уступом. Скелет мужчины 27–35 лет располагался в сидячем положении и был ориентирован головой на северо-восток. Кости ног были согнуты в коленных суставах, расположены коленями вверх и ступнями упирались в юго-западную стенку ямы. Кости таза и изогнутого дугой позвоночника располагались вплотную к северо-восточной стенке ямы. Кости левой руки были вытянуты вдоль костей ног. Плечевая кость правой руки лежала в направлении коленного сустава правой ноги, а кости предплечья частично находились под костями левой ноги. Череп находился над левой частью тазовых костей и лежал теменем вверх. Нижняя челюсть была развернута подбородком вверх.

Погребальный инвентарь включал:

– кремневую пластину из серого полупрозрачного кремня с белой коркой (–47 см от условного «0») (рис. 6: 4). Дистальная

часть обломана. Края пластины имеют нерегулярную ретушь. Пластина располагалась у правого коленного сустава;

– обломок наконечника стрелы из коричневого кремня с белой коркой (–34 см от условного «0») (рис. 6: 3). Наконечник обнаружен у стоп погребенного;

– бисер белого цвета в диаметре до 0,2 см, толщиной 0,1 см и с диаметром отверстия 0,1 см найден в количестве 140 экз. Часть бисерин располагалась на лучевой кости левой руки, где удалось зафиксировать их расположение рядами (рис. 6: 5).

Погребение 10 (рис. 2: 3) обнаружено в северной части восточного раскопа, на стыке квадратов 11а и 11. Могильная яма не фиксировалась. Погребение детское. Костяк располагался вытянуто на спине и ориентирован черепом на Север-Северо-запад. Кости рук были вытянуты вдоль туловища. К юго-западу от черепа на глубине –14 см от условного «0» находился сосуд.

Сосуд характеризуется раковинной примесью, приземистыми пропорциями, имеет плоское дно, раструбовидную шейку, выраженные плечики (рис. 1: 18). Размеры сосуда: высота — 9,8 см, диаметр венчика — 15 см, диаметр тулова — 14,7 см, диаметр дна — 9,9 см. Сосуд орнаментирован прочерченными линиями. По шейке сосуда нанесено четыре горизонтальные линии, тулово украшено сложной композицией, состоящей в верхней части из заполненных угловыми мотивами треугольников, пространство между которыми заполнено горизонтальными прочерками. От вершин треугольников вниз прочерчены двойные вертикальные линии, от которых вниз и в стороны, образуя «елочку», отходят ряды наклонных прочерков. Всего нанесено шесть таких «елочек». В придонной части нанесен пояс из накольчатых вдавлений, соединяющий основания «стволов елочек». В зоне треугольников есть сбивка орнамента. В орнаментации сосуда просматривается трехчленное деление.

В восточном раскопе также частично было изучено сооружение № 1. Оно представляет собой ров (карта 1: 2), ориентированный длинными сторонами по линии Запад-Северо-запад – Восток-Юго-восток. В пределах раскопа сооружение имело длину 4,48 м, ширину 1,42 м и глубину 48–50 см. Данное сооружение фиксировалось с уровня

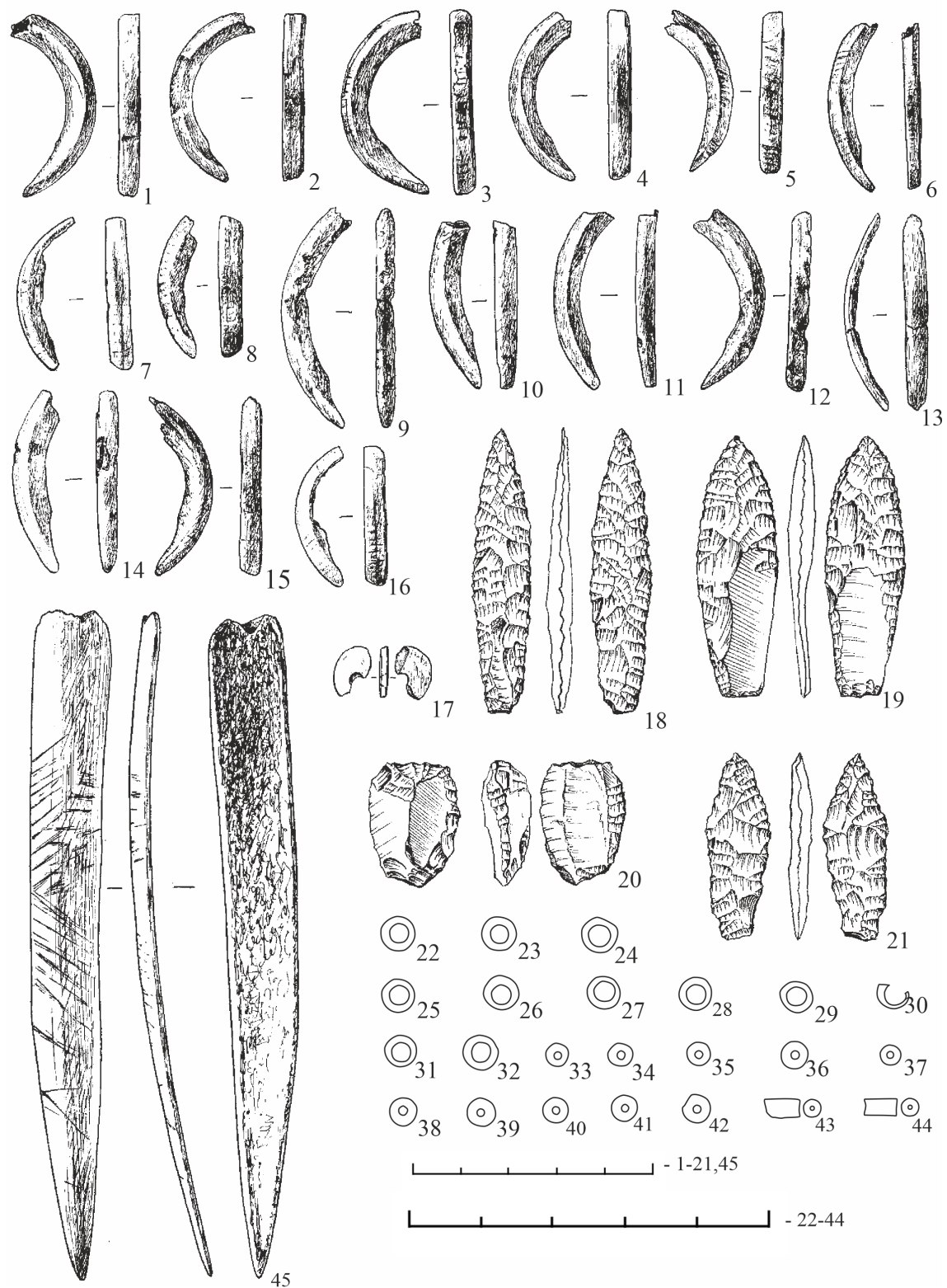

Рис. 5. Резцы сурка (1–16) и инвентарь (18–45) из погребения № 8
 [Fig. 5. Marmot incisors (1–16) and grave goods (18–45) from burial 8]

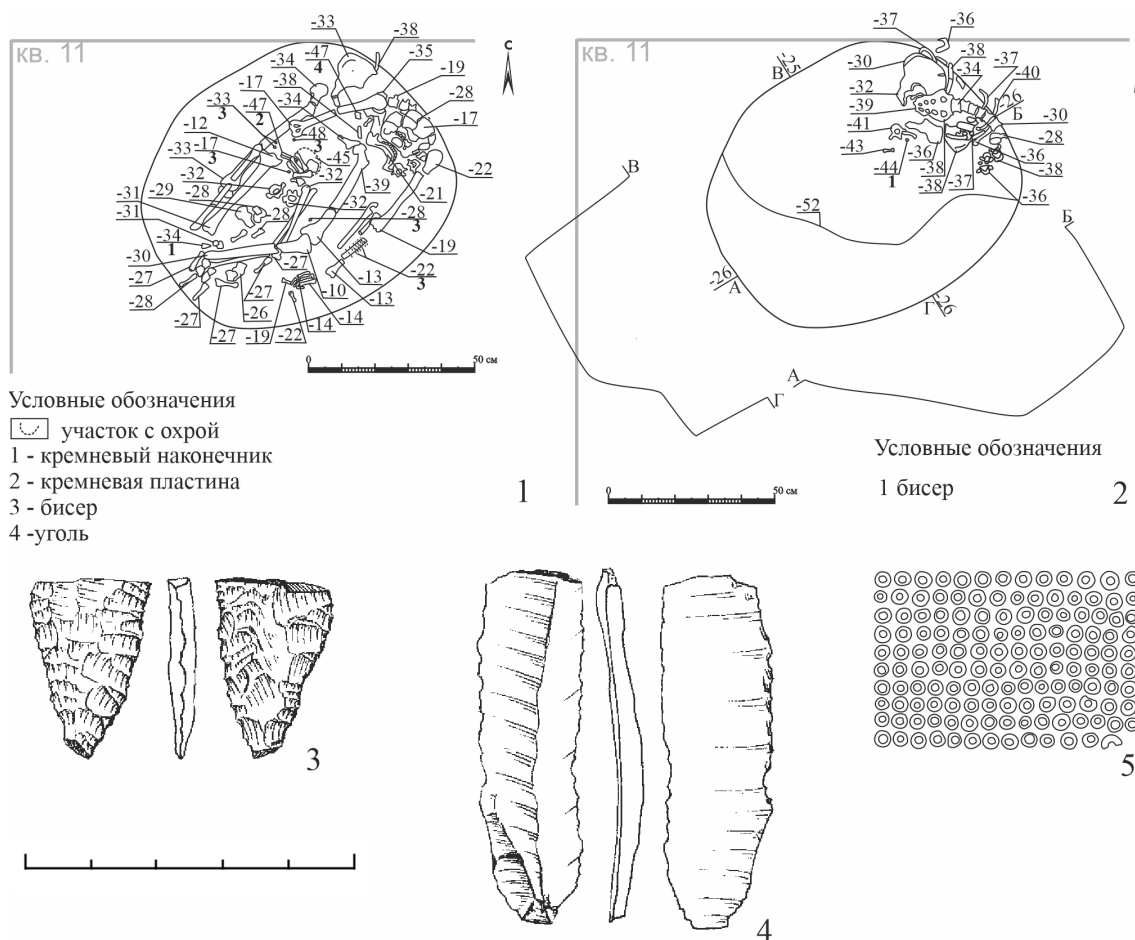

Рис. 6. Погребение № 9 (1–2) и инвентарь из погребения № 9 (3–5)
[Fig. 6.. Burial 9 (1–2) and excavated grave goods (3–5)]

предматерика. Основа заполнения — плотный темно-серый песок. Дно рва округлое. Уровень фиксации сооружения находился ниже дна погребения № 7.

3. Анализ полученных материалов

При определении культурно-хронологической атрибуции погребальных комплексов грунтового могильника *Максимовка I* определяющую роль играет ориентировка захороненных, положение костяков и специфический набор сопутствующего инвентаря.

Погребение № 9 по характеру положения костяка в могильной яме входит в группу захоронений позднего энеолита могильника *Максимовка I*. Костяки в положении сидя и полусидя, ориентированные головой на северо-восток, были исследованы в погребениях №№ 1 [Цибин, Шалапинин 2019: 9], 3 [Королев, Мышкин, Шалапинин 2021:

529], 16, 34 [Королев, Шалапинин 2023а: 144, 150] и др. Бисер обнаружен также в энеолитическом погребении № 17 [Королев, Шалапинин 2023а: 145]. Орудия на пластинах встречены в захоронения №№ 3 [Королев, Мышкин, Шалапинин 2021: 529], 26 и 29 [Королев, Шалапинин 2023а: 148; Королев, Шалапинин 2023б: 317].

К этой же культурно-хронологической группе относится вторичное коллективное погребение № 8, поскольку здесь был обнаружен аналогичный погребальный инвентарь (наконечники с усеченным основанием, скребки, бусы и пронизки). Аналогии вторичному погребению с костями скелета, сложенными «кучкой», и установленным рядом черепом есть в могильнике *Хвалынского I*, например, это погребения 57, 64 [Агапов и др. 1990: 29, 31]. Не исключено, что к данной группе относится разрушенное захоронение № 5. В пользу этого пред-

положения говорит положение стоп, цвет и сохранность костных остатков. Отмеченные захоронения имеют ближайшие аналогии в материалах могильника *Мурзихинский II*. Параллели пролеживают в положении костяков сидя и полусидя, инвентаре, состоящем из наконечников с прямым насадом, орудий на пластинах, костяных острий, бисера и бус [Чижевский 2008: 367–371; Чижевский, Шипилов 2021: 148–153].

Согласно радиоуглеродным датам, полученным непосредственно по материалам грунтового могильника *Максимовка I*, время существования погребений данной группы определяется 4 350–3 710 calBC (68,2 %) или 4 360–3 695 calBC (95,4 %). Радиоуглеродные даты, полученные по костям человека могильников *Максимовка I* и *Мурзихинского II*, близки друг другу. Определения по C14, полученные по орудиям из костей животных и резцам сурка могильника *Максимовка I*, несколько позднее [Королев, Шалапинин 2022: 68]. Следует отметить, что отдельные аналогии в инвентаре описываемого могильника наблюдаются в более ранних энеолитических комплексах лесостепного и степного Поволжья. Так, резцы сурка присутствуют в погребении № 12 поселения *Лебяжинка V* [Васильев, Овчинникова 2000: 219–220; Шишлина и др. 2017: 196–197; Выборнов и др. 2023: 249]. Полусидячее захоронение, погребение «пакетом», резцы сурка, бусины из раковин, охра обнаружены на могильнике *Екатериновский Мыс* [Королев и др. 2018: 40–42; Королев и др. 2020: 160].

Погребения в сидячем положении, инвентарь, состоящий из бус, пронизок, орудий на пластинах, встречены в могильниках хвалынской культуры [Агапов и др. 1990: 46, 51, 121–123, 125; Anthony et al. 2022: 45; Васильев 2003: 82–83; Королев, Ставицкий 2021: 51, 55, 57; Малов 1982: 87; Малов 2008: 119, 124, 126–127; Моргунова 2011: 105, 110].

Специфическая форма наконечников стрел, характерная для набора погребального инвентаря максимовских захоронений, как уже отмечалось в предыдущей публикации памятника, имеет распространение в Волго-Донском междуречье в эпоху раннего металла [Цибин, Шалапинин 2019: 12]. Сидячее погребение обнаружено у с. Старо-Кабаново на р. Белая [Васильев 2004: 50–66]. Находки бусин, резцов сурка, костяные

острия обнаружены в захоронениях Голубая Криница на Дону [Скоробогатов 2022: 169].

Наблюдаются некоторые параллели и в энеолитических погребальных памятниках Днепро-Донского междуречья. На могильнике *Александрия* изучен погребальный комплекс с костяками, у которых фиксировались пробитые черепа [Котова 2003: 91].

На Александровском могильнике на р. Лугань в погребении № 10 скелет располагался не в анатомическом порядке, вверху череп и конечности, под ними — фрагменты таза. Костяк в погребении № 13 указанного могильника находился в сидячей позе и был ориентирован головой на восток [Братченко, Константиnescу 1987: 17, 26].

На могильнике *Игрень* было исследовано скорченное погребение, которое авторы раскопок интерпретировали как сидячее. Костяк еще одного погребения данного памятника находился в расчлененном состоянии [Телегин, Филенко 1982: 85]. Цепочка аналогий позволяет рассматривать захоронения позднего энеолита могильника *Максимовка I* в рамках «степных и лесостепных» погребальных традиций. Не случайно анализ материалов отмеченного ранее *Мурзихинского II* привел автора раскопок этого памятника к выводу о южном влиянии в его формировании [Чижевский 2008: 371; Чижевский, Шипилов 2021: 150].

Культурно-хронологическое определение погребения № 10 осложняется сочетанием таких признаков, как вытянутое на спине положение костяка, северо-западная ориентировка, форма и орнаментация сосуда. Вытянутое положение костяка изредка встречается в лесостепном Поволжье в погребениях позднего бронзового века [Колев, 2003: 101; Кузьмина и др. 2017: 273; Купцова 2016: 33]. В частности оно зафиксировано в расположенном поблизости Съезженском грунтовой могильнике срубной культуры в погребениях №№ 37 и 41 [Колев 2003: 105]. В керамике памятника Ю. И. Колев отметил наличие покровских и синташтинских признаков: раковинную примесь, острореберность, орнаментацию по всей поверхности ряда сосудов [Колев 2003: 107]. Однако, соответствуя в целом этим характеристикам, сосуд из погребения № 10 могильника *Максимовка I* отличается формой и орнаментацией. В то же время приземистые сосуды с выделенным плечиком,

орнаментом по тулову в виде заштрихованных треугольников и «елочки» характерны для потаповского типа [Васильев и др. 1995: 9]. Особенно близка керамика Потаповского курганного могильника, которая нередко украшалась выполненными прочерченными линиями горизонтальными полосами по шейке сосуда, заполненными треугольниками и елочкой по тулову [Васильев и др. 1994: 123, 128]. Отметим также, что костяк из погребения № 8 этого кургана лежал в положении вытянуто на спине [Васильев и др. 1994: 32], а северо-западная ориентировка погребенных является распространенной [Васильев и др. 1994: 108]. Таким образом, приведенные аналогии погребению № 10 могильника *Максимовка I* дают некоторые основания для его связи с памятниками потаповского типа, которые входят в хронологический диапазон XX–XVIII вв. до н. э. [Кузнецов, Мочалов 2012: 53].

Погребение № 7 могильника *Максимовка I* по ориентировке костяка головой на северо-запад, вытянутому положению, наличию инвентаря сопоставимо с первой обрядовой группой эпохи средневековья грунтового могильника *Максимовка I* [Королев, Шалапинин 2023а: 155] и может датироваться XIV в. н. э. Особенно близки данному комплексу материалы могильников на дюнах из бассейна р. Самара, к которым относятся памятники «Большой Шихан», у сел Виловатое, Максимовка, Старая Ел-

шанка [Васильева 1979: 220–230; Васильева 2000: 293–346].

Культурно-хронологическая атрибуция разрушенного погребения № 6 остается неопределенной.

Сложно установить также связь с выявленными группами материалов памятника и датировку сооружения № 1 ввиду отсутствия в его заполнении находок. Однако стратиграфические данные позволяют предположить, что оно датируется временем, которое предшествует XIV в. н. э.

4. Выводы

В результате раскопок грунтового могильника *Максимовка I* были получены разнокультурные и разновременные материалы. Культурный слой содержал материалы неолита, энеолита, эпохи бронзы и XIX – начала XX в. В 2019 г. на памятнике было изучено шесть захоронений и частично исследовано одно сооружение. Три погребения относятся к позднему энеолиту, одно — к эпохе бронзы и одно — к золотоордынскому времени. Культурно-хронологическое положение еще одного захоронения не определено. Позднеэнеолитические погребения датируются 4 350–3 710 calBC (68,2 %). Комплекс эпохи бронзы допустимо отнести к XX–XVIII вв. до н. э. Время средневекового захоронения определяется XIV в. н. э.

Литература

- Агапов и др. 1990 — Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовск. ун-т, 1990. 160 с.
- Братченко, Константиnescу 1987 — Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. Александровский могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 17–31.
- Васильева 1979 — Васильева И. Н. Погребения кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 202–240.
- Васильева 2000 — Васильева И. Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 293–346.
- Васильев и др. 1994 — Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарск. ун-т, 1994. 208 с.
- Васильев и др. 1995 — Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.): Самара: СГПУ, 1995. С. 5–37.
- Васильев 2003 — Васильев И. Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.
- Васильев 2004 — Васильев И. Б. Погребение в «позе сидя» у с. Старо-Кабаново в Башкирии // Вопросы Археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 50–66.
- Васильев, Овчинникова 2000 — Васильев И. Б., Овчинникова Н. В. Энеолит // История Са-

- марского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.
- Выборнов и др. 2023 — *Выборнов А. А., Лебедева (Овчинникова) Н. В., Овчинников А. Ю., Хохлов А. А.* Обзор погребальных памятников неолита и энеолита лесостепного Волго-Уралья в контексте радиоуглеродных дат // Прочнее меди. Сборник статей. Кишинэу: Stratum Plus. 2023. С. 243–258.
- Колев 2003 — *Колев Ю. И.* Грунтовый могильник срубной культуры *Съезжее II* // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СГПУ, 2003. С. 88–111.
- Королев и др. 2018 — *Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.* Результаты новых исследований могильника *Екатериновский мыс* // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием. Самара: СГСПУ, Порто-принт, 2018. С. 40–42.
- Королев и др. 2020 — *Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.* Могильник *Екатериновский мыс* как источник изучения энеолита Восточной Европы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 тт. Т. 1. Самара: СГСПУ, 2020. С. 159–161.
- Королев и др. 2021 — *Королев А. И., Мышкин В. Н., Шалапинин А. А.* Результаты работ на грунтовом могильнике *Максимовка I* в лесостепном Поволжье в 2018 г. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 515–530. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-515-530
- Королев, Ставицкий 2021 — *Королев А. И., Ставицкий В. В.* Хвалынская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 тт. Т. 2: Энеолит и бронзовый век. Казань: АН РТ, 2021. С. 40–60.
- Королев, Шалапинин 2022 — *Королев А. И., Шалапинин А. А.* Хронология и периодизация энеолитических погребений грунтового могильника *Максимовка* // XXII Уральское археологическое совещание: мат-лы Всеросс. науч. конф. Курган: Курганск. гос. ун-т, 2022. С. 68.
- Королев, Шалапинин 2023а — *Королев А. И., Шалапинин А. А.* Грунтовый могильник и селище *Максимовка I* в лесостепном Поволжье (результаты исследований в 2020 г.) // Прочнее меди. Сборник статей. Кишинэу: Stratum Plus. 2023. С. 137–157.
- Королев, Шалапинин 2023б — *Королев А. И., Шалапинин А. А.* Скорченные погребения грунтового могильника *Максимовка I* эпохи энеолита // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 314–327. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.1.314.327
- Котова 2003 — *Котова Н. С.* Энеолитические материалы поселения и могильника у хутора Александрия на реке Оскол // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск: СЧУ им В. Даля, 2003. С. 78–91.
- Кузнецов, Мочалов 2012 — *Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д.* Потаповские комплексы курганов могильника *Грачевка II* // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара: Мин-во культуры Самарской области, 2012. С. 37–82.
- Кузьмина и др. 2017 — *Кузьмина О. В., Колев Ю. И., Ластовский А. А., Турецкий М. А.* Материалы эпохи бронзы поселения *Лебяжinka V* // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара: Книжное издательство, 2017. С. 124–278.
- Купцова 2016 — *Купцова Л. В.* Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2016. 256 с.
- Малов 1982 — *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 82–94.
- Малов 2008 — *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 2008. С. 32–134.
- Моргунова 2011 — *Моргунова Н. Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Скоробогатов 2022 — *Скоробогатов А. М.* Голубая Криница — грунтовый могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 165–173. DOI: 10.55355/snv2022111203
- Телегин, Филенко 1982 — *Телегин Д. Я., Филенко О. С.* Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье // Советская археология. 1982. № 1. С. 80–87.
- Цибин, Шалапинин 2019 — *Цибин В. А., Шалапинин А. А.* Погребение эпохи энеолита грунтового могильника *Максимовка I* из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4:

- История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 6–16.
- Чижевский 2008 — Чижевский А. А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.
- Чижевский, Шипилов 2021 — Чижевский А. А., Шипилов А. В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Археология Волго-Уралья. В 7 тт. Т. 2: Энеолит и бронзовый век. Казань: АН РТ, 2021. С. 140–163.
- Шалапинин и др. 2022 — Шалапинин А. А., Королев А. И., Григорьев А. П., Григорьева И. М., Трофимов А. Г. Раскопки грунтового могильника Максимовка I в Богатовском районе Самарской области в 2021 году // Археологические открытия в Самарской области 2021 года. Самара: СОИМК им. П. В. Алабина, 2022. С. 14–16.
- Шишлина и др. 2017 — Шишлина Н. И., Турецкий М. А., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродное датирование образцов из могильника Лебяжinka V эпохи энеолита: верификация и интерпретация данных // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 196–202.
- Anthony et al. 2022 — Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // *Præhistorische Zeitschrift*. 2022. Vol. 97(1). Pp. 22–67.
- on Eneolithic Eastern Europe. In: Derevyanko A. P. et al. (eds.) Sixth (Twenty Second) National Archaeological Congress in Samara. Proceedings. In 3 vol. Vol. 1. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 2020. Pp. 159–161. (In Russ.)
- Korolev A. I., Myshkin V. N., Shalapinin A. A. Results of the 2018 archaeological investigation at the burial ground of Maksimovka I in the forest-steppe Volga region. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 3. Pp. 515–530. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-515-530
- Korolev A. I., Shalapinin A. A. Bent burials at Maksimovka I Eneolithic burial ground. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2023. No. 1. Pp. 314–327. (In Russ.) DOI: 10.24852/2587-6112.2023.1.314.327
- Korolev A. I., Shalapinin A. A. The burial ground and Maksimovka I settlement in the forest-steppe Volga region (Results of the research 2020). In: Dergacheva L. V. et al. (eds.) *Aere Perennius. More Lasting Than Bronze*. Collected articles. Kishinev: Stratum Plus. 2023. Pp. 137–157. (In Russ.)
- Korolev A. I., Shalapinin A. A. The subsoil burial ground of Maksimovka: Chronology and periodization of Eneolithic graves. In: Twenty First Ural Archaeological Conference. Proceedings. Kurgan: Kurgan State University, 2022. P. 68. (In Russ.)
- Korolev A. I., Stavitsky V. V. Khvalynsk culture. In: Sitdikov A. G., Chizhevsky A. A. (eds.) *Archaeology of the Volga-Urals*. In 7 vols. Vol. 2: The Eneolithic and Bronze Age. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2021. Pp. 40–60. (In Russ.)
- Kotova N. S. Alexandria khutor on the Oskol River: Examining some Eneolithic settlement and burial finds. In: *Materials and Studies in the*
- References**
- Agapov S. A., Vasilyev I. B., Pestrikova V. I. The Eneolithic Grave Field of Khvalynsk. Saratov: Saratov State University, 1990. 160 p. (In Russ.)
- Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River. *Præhistorische Zeitschrift*. 2022. Vol. 97. No. 1. Pp. 22–67. (In Eng.)
- Bratchenko S. N., Constantinescu L. F. Aleksandrovsky grave field. In: *Prehistoric Steppe Herders of South Ukraine*. Kiev: Naukova Dumka, 1987. Pp. 17–31. (In Russ.)
- Chizhevsky A. A. Eneolithic burials of the Murzikha II grave field. In: Second (Eighteen) National Archaeological Congress in Suzdal. Proceedings. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2008. Pp. 367–371. (In Russ.)
- Chizhevsky A. A., Shipilov A. V. Early Eneolithic burials from the confluence of the Rivers Kama and Volga. In: Sitdikov A. G., Chizhevsky A. A. (eds.) *Archaeology of the Volga-Urals*. In 7 vols. Vol. 2: The Eneolithic and Bronze Age. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2021. Pp. 140–163. (In Russ.)
- Kolev Yu. I. The Srubnaya subsoil burial ground of Syezzhee II. In: *Material Culture of the Bronze Age Samara River Basin*. Samara: Samara State Pedagogical University, 2003. Pp. 88–111. (In Russ.)
- Korolev A. I., Kochkina A. F., Stashenkov D. A. Yekaterinovskiy Mys grave field: Results of latest investigations. In: Vy bornov A. A. et al. (eds.) *Twenty First Ural Archaeological Conference*. Proceedings. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, Porto-Print, 2018. Pp. 40–42. (In Russ.)
- Korolev A. I., Kochkina A. F., Stashenkov D. A. Yekaterinovskiy Mys grave field as a source

- Archaeology of Eastern Ukraine. Lugansk: East Ukrainian Dahl National University, 2003. Pp. 78–91. (In Russ.)
- Kuptsova L. V. Srubnaya Culture in the Orenburg Cis-Urals: A Study of Burial Sites. Cand. Sc. (history) thesis. Orenburg, 2016. 256 p. (In Russ.)
- Kuzmina O. V., Kolev Yu. I., Lastovsky A. A., Turetsky M. A. Bronze Age finds from the Lebyazhinka V settlement. In: Issues of the Volga Region's Archaeology. Vol. 6. Samara: Knizhnoe Izdatelstvo, 2017. Pp. 124–278. (In Russ.)
- Kuznetsov P. F., Mochalov O. D. Potapovka-type kurgans of the Grachevka II grave field. In: Turetsky M. A. (ed.) The Age of Bronze. The Era of Heroes: Investigating Burial Sites of Samara Oblast. Samara: Samara Oblast Ministry of Culture, 2012. Pp. 37–82. (In Russ.)
- Malov N. M. Khlopkovo burial ground and historiography of the Eneolithic in the Lower Volga. In: Archaeology of Eastern European Steppes. Vol. 6. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2008. Pp. 32–134. (In Russ.)
- Malov N. M. Khlopkovo burial ground and its role in the Eneolithic of the Volga Region: Excavations of 1977–1978. In: Volga-Ural Steppes and Forest-Steppes in the Early Iron Age. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1982. Pp. 82–94. (In Russ.)
- Morgunova N. L. The Eneolithic of the Volga-Ural Interfluve. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2011. 220 p. (In Russ.)
- Shalapinin A. A., Korolev A. I., Grigoryev A. P., Grigoryeva I. M., Trofimov A. G. The subsoil grave field of Maksimovka I (Bogatovsky District, Samara Oblast): Excavations of 2021. In: Stashenkov D. A., Kochkina A. F. (eds.) Samara Oblast: Archaeological Discoveries of 2021. Samara: Alabin Samara Oblast Museum of Local History and Lore, 2022. Pp. 14–16. (In Russ.)
- Shishlina N. I., Turetsky M. A., van der Plicht J. AMS-radiocarbon dating of samples from the Middle Volga Eneolithic burial ground Lebyazhinka V: Data verification and interpretation. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 19. No. 3. Pp. 196–202. (In Russ.)
- Skorobogatov A. M. Golubaya Krinitza — soil burial ground of the Mariupol type on the Middle Don. *Samara Journal of Science*. 2022. Vol. 11. No. 1. Pp. 165–173. (In Russ.) DOI: 10.55355/snv2022111203
- Telegin D. Ya., Filenko O. S. About one Sredny Stog burial ground in the Upper Dnieper. *Sovetskaya arkheologiya*. 1982. No. 1. Pp. 80–87. (In Russ.)
- Tsibin V. A., Shalapinin A. A. The Eneolithic burial of Maksimovka I soil burial ground from the Samara Trans-Volga Region. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 6–16. (In Russ.)
- Vasilyev I. B. A seated burial near Staro-Kabanovo (Bashkortostan). In: Issues of Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Samara: Samara State University, 2004. Pp. 50–66. (In Russ.)
- Vasilyev I. B. Khvalynsk Eneolithic culture of the Volga-Ural steppes and forest steppes. In: Issues of the Volga Region's Archaeology. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2003. Pp. 61–99. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Kuznetsov P. F., Semenova A. P. Potapovka-type sites of the Volga forest-steppes: A concept note. In: Ancient Indo-Iranian Cultures of the Volga-Urals, Second Millennium BCE. Samara: Samara State Pedagogical University, 1995. Pp. 5–37. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Kuznetsov P. F., Semenova A. P. The Mound Grave Field of Potapovka: Indo-Iranians on the Volga. Samara: Samara State University, 1994. 208 p. (In Russ.)
- Vasilyev I. B., Ovchinnikova N. V. Eneolithic. In: History of Samara Volga Region from Earliest Times to Present Days. Stone Age. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 216–277. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. Nomadic burials in Kuybyshev Volga territories. In: Prehistory of the Volga Region. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1979. Pp. 202–240. (In Russ.)
- Vasilyeva I. N. Samara Volga lands in the Golden Horde era. In: History of Samara Volga Region from Earliest Times to Present Days. Early Iron Age and Middle Ages. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 293–346. (In Russ.)
- Vybornov A. A., Lebedeva (Ovchinnikova) N. V., Ovchinnikov A. Yu., Khokhlov A. A. Radiocarbon dates of Neolithic and Eneolithic funerary monuments in the Volga-Ural forest-steppe region. In: Dergacheva L. V. et al. (eds.) Aere Perennius. More Lasting Than Bronze. Collected articles. Kishinev: Stratum Plus, 2023. Pp. 243–258. (In Russ.)

